

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ДВА МГНОВЕНИЯ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Два мгновения

Аннотация

«Зашел разговор о том: страшно или нет умирать?

Человек средних лет с энергичным нервным лицом умными глазами заговорил:

– Как когда. Вот как в промежутке всего нескольких дней, в тех же почти внешних условиях, я видел два раза подряд смерть в глаза. Я с своей партией жил тогда в Батуме. Собственно, не в Батуме, а в окрестностях его, – делал разведки. Неделю всю мы проводили на работах, а в воскресенье ездили в Батум на отдых. Я первый год был тогда женат только, и вы понимаете, какое для меня было удовольствие в этих поездках. Мы проводили в городе все воскресенье, ночевали и на другой день возвращались на работы. Был март. Весна уже начиналась. Травка зеленела, листья деревьев, как нежная паутина, едва сквозили на фоне безоблачного неба... Солнце, изумрудное море... Там вдали кремовые горы с вечным снегом...»

Николай Гарин- Михайловский Два мгновения

Зашел разговор о том: страшно или нет умирать?

Человек средних лет с энергичным нервным лицом умными глазами заговорил:

– Как когда. Вот как в промежутке всего нескольких дней, в тех же почти внешних условиях, я видел два раза подряд смерть в глаза. Я с своей партией жил тогда в Батуме. Собственно, не в Батуме, а в окрестностях его, – делал разведки. Неделю всю мы проводили на работах, а в воскресенье ездили в Батум на отдых. Я первый год был тогда женат только, и вы понимаете, какое для меня было удовольствие в этих поездках. Мы проводили в городе все воскресенье, ночевали и на другой день возвращались на работы. Был март. Весна уже начиналась. Травка зеленела, листья деревьев, как нежная паутина, едва сквозили на фоне безоблачного неба... Солнце, изумрудное море... Там вдали кремовые горы с вечным снегом... Чудное утро, лошади поданы, чтобы ехать в город, потому что было это как раз в воскресенье. Если вы бывали в Батуме, то, может быть, помните, что берег его описывает большой полукруг: там в глубине Батум, почти напротив скалистые, дикие берега Цихидзирских гор. И, таким обра-

зом, кратчайшая дорога от этих Цихидзирь, где мы и работали, было море, – верст семь всего, а берегом верст пятнадцать. Подъехал грек на лодке и предложил под парусом доехать в четверть часа. Мы согласились, отправили лошадей и поехали. Море, воздух, солнце – праздник в природе, праздник отдыха в нас, – мы были в редком настроении, когда вся жизнь кажется такой же чудной и прекрасной, как этот волшебный уголок земли. И вдруг шквал. Что такое шквал? Черное море – очень капризное море. Весной и осенью явление там обычное этот шквал. Неожиданная буря, вихрь, какая-то серая стена с стремительной быстротой несется, и впереди этой стены тишь и гладь, а за ней море уже мгновенно закипает, бурлит, свист бури, и в серой кипящей мгле так часто гибнут такие лодки, как наша.

Бледный лодочник успел только крикнуть:

– Ложись!

Сперва рассмеялись все, но на лице лодочника прочли что-то такое страшное, что мгновенно все, кроме меня, легли на дно лодки. Почему я не лег – я не знаю. Какая-то глупая гордость! Шквал налетел. Что-то страшное заварилось мгновенно кругом: откуда взялись волны, куда исчезло солнце, что это клокочет, кипит и бросает нашу лодку. Нет, нет, спасенья быть не может в этом аде. Какой-то ужас, дикий ужас сковывает, и сознание в то же время работает с непередаваемой ясностью. Шаг за шагом с неумолимой последовательностью приближается это неотвратимое мгновение. Вот

из-под лодки точно выросла страшная седая зелено-прозрачная волна, заглянула в лодку и тяжело обвалилась. Головы смоченных, лежащих там внизу, быстро поднимаются, мгновение тому назад они еще смеялись, на их лицах отвратительный ужас смерти. Еще волна, и глаза судорожно ищут, где – в той или вот этой, что вдруг раскрывается и куда летит бешено лодка, бездне – конец всему. Неизбежный конец, и мысль о жене, уже случайная, равнодушно оставляет уже мертвую душу: думай не думай, все равно конец всему, и от всего живого мира мы уже отрезанные ломти, и некому даже передать будет этих последних мгновений. Словом, я струсил так постыдно, как никогда не мог и предположить. А этот ужас сознания страха и бессилие совладать с ним? О, как это ужасно, когда человек познает вдруг предел своих сил, своего «я», когда он уже может сам на себя посмотреть вдруг с сожалением, сознанием слабости, сверху вниз... Нас выбросило на берег... Какая-то животная радость охватила нас: мы, мокрые до последней нитки, с следами, может быть, еще этого ужаса на лицах, танцевали, как дикари, на берегу: поднимали наши ноги, энергично, быстро поднимали и скалили зубы друг другу.

Шквал пронесся, опять мирное солнце, песчаный берег, дорога, идут два турка, несут молодых козлят. Молодые козлята, травка весны, радость жизни, прилив этой жизни... Я, помню, купил этих двух козлят и пешком восемь верст, все время счастливый, нес их – этот залог весны, возвращенной

жизни.

Даже унижение было источником радости: что же, я такой же, как все, а думал, что выше их. Милые мои, все вы друзья, и я меньше вас, но я жив, я счастлив.

Да, это был хороший день с ужасным мгновением, и такого дня я не переживал, может быть, но мгновение было лучшее, и я его пережил всего через несколько дней.

Опять те же Цихидзири, то же небо, море, солнце... Мы завтракаем. А там по морю плывет плот, и четыре турка на нем. Десятник Вдовиченко, хохол, молодой, говорит:

– Ишь, подлецы, а если шквал?

Рабочий, по фамилии Копейка, саженного роста, тоже хохол, лениво жует свой хлеб и рассказывает не спеша, как под Ак-Паланкой их кавалерия прыгала с такой же кручи, как эта, прямо в реку. Я смотрю с наших высот туда, где беспокойно ласкается к берегу море, голова невольно кружится, и я тяжело переживаю и это ощущение необходимости лететь туда вниз и сознание, что мои нервы не выносят никаких круч. Я поборяю, конечно, себя, но что это мне стоит всегда?

И вдруг шквал, и уже раздирающий душу крик четырех турок на плоту. Какая-то лодка там внизу спешит пристать к берегу: пристала и выгружает мешки с мукой. А плот уже разбит, и четыре турка, каждый обхватив два бревна, ныряют там среди разорванного плота, целого леса поднимающихся и опускающихся бревен. И на нас, сидящих на берегу, налетел уже шквал, как ножом, резким ветром срезал на-

ши шляпы, завтрак, свист бури, грохот моря и, заглушая все, нечеловеческий крик о помощи оттуда, из кипящего котла. Я уже ничего не сознаю. Чей-то голос:

– Нельзя, вы – отец семейства!

Но этот рев бури, вопли тех?!

– Не сюда, не сюда – убьетесь!!

Разве я могу убиться? Ноги мои, нервы мои – сталь, и я стремглав несусь вниз по кручам, куда заглянуть было страшно за мгновение. Я уже внизу, за мной сыпется щебень, камень, за мной летят другие. Мы уже в лодке и отплываем. Вот Вдовиченко, Копейка. Лодка плывет, поворот, мы каждое мгновение вот-вот опрокинемся... Что ж, опрокинемся... И мне весело, и я беззаботно напеваю какую-то веселую песенку. Я вижу, что мое веселье льет огонь в жилы этих... Я-то, я-то знаю, чего хочу, но эти Вдовиченко и Копейка и на веслах сидящие, безвестные работники, вас какая сила двигает? Э, в ваших глазах я вижу бога, вы избранники его, и честь быть с вами, честь сознавать себя равным вам, безвестным героям... честь, великая честь быть равным там, где человек равен божеству...

Бревна, бревна! Вверх и вниз, – держи лодки, – разобьет?! Ха-ха! Мимо!..

Какой-то турок с перепугу топор свой сует, когда каждое мгновение дорого. Вдовиченко с азартом бросает топор в воду – уже за волосы тащит ошеломленного в лодку. Они уже все тут, и мы мчимся назад...

Рассказчик смолк, вздохнул всей грудью:

– О, если бы в такое мгновение умереть!